

Линор Горалик

Тайные ходы
Венециань

Линор Горалик рассказывает
о том, что касается всех нас.
О войне, любви, беде, совести
и выборе. Но никогда —
о предательстве.

Мария ГАЛИНА, писатель

ТРЕТЬЯ КНИГА ЦИКЛА

Линор Горалик
Тайные ходы Венисаны
Серия «Венисана», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65456726

Тайные ходы Венисаны: Лайвбук; Москва; 2021

ISBN 978-5-907056-99-2

Аннотация

Захватывающая сказка-миф в нескольких книгах.

Путешествие Агаты продолжается. И хотя ей удастся воссоединиться с семьей, родителей девочки как будто подменили. Чтобы вернуть утерянное счастье, Агата снова отправляется в путь. Она встречает похитителей детей, узнаёт секрет третьего этажа Венисаны и оказывается на балу среди страшных масок и их юных слуг. Если весь мир убеждает, что родители разлюбили тебя, стоит ли этому верить?

«Тайные ходы Венисаны» – третья книга цикла.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Сцена 1,	9
Сцена 2,	18
Сцена 3,	26
Сцена 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Линор Горалик

Тайные ходы Венисаны

© Линор Горалик, 2021

© Издательство «Лайвбук», 2021

ПЕРВАЯ КНИГА ЦИКЛА

Холодная вода Венисаны

Линор Горалик

Холодная вода Венисаны

Нежная и прозрачная, как хрусталь,
тепличная и заволакивающая,
как отражение в воде ветхих
венецианских домов. Грустная
и прекрасная сказка.

Марина ПЕТУСАН

ПЕРВАЯ КНИГА ЦИКЛА

В первой книге серии девочка Агата вместе с другими детьми живет в колледжии, и за каждым их шагом назойливо, но заботливо следят мистресс. Но однажды, после падения в воду, жизнь Агаты круто меняется. Отныне ее считают опасной, зараженной, и она вынуждена скрываться. Прежний мир отталкивает Агату, а загадочная вода Венисаны, где живут утопленники, мечтающие вернуться на сушу, и крылатые габо, владеющие телепатией и ненавидящие людей, – манит. Девочка пытается понять, как же устроен этот страшный непостижимый город, и узнает про грядущую войну между обитателями Венисаны.

ВТОРАЯ КНИГА ЦИКЛА

Двойные мосты Венисаны

История о страшной войне, развернувшейся между людьми и живущими в воде ундами, и о девочке Агате, оказавшейся между двух миров. Почему Агата оказывается отвержена своими друзьями? Почему нельзя ходить по правой стороне двойных мостов Венисаны? Как так получается, что Агата узнает в предательнице Азурре самого близкого человека во всем мире? Загадок становится все больше...

**Сцена 1,
посвященная памяти
святопреставившегося
новомученика и героя Норманна,
майстера колледжии. Его
собственное имя было «Ир», он
принял судьбу своего святого,
был Твердостью своей команды,
хорошим майстером и честным
человеком. Мы помним, как
он любил чистить свой ночной
фонарь до серебристого блеска**

Мама отпирает тяжеленную шкатулку с лекарствами, в которую Агате строго-настрого запрещено лазить (можно только выдвигать ящичек сбоку, в котором лежат длинные ленты алого пластыря, коричневые кубики сандолории и маленькие розовые – сансвельярсии, которые надо втирать папе в верхнюю десну, если он начинает закусывать губу и неподвижно смотреть в стену, – но такое на памяти Агаты случилось всего один раз, и ее быстренько отослали в другую комнату). Агате видны лишь мамины смуглые пальцы, да волосяной обручальный браслет на запястье, да край старинной шкатулки из переплетенных резных костей габо – а еще сквозь щелочку в двери детской ей виден черный силуэт на фоне кухонного окна, хотя она знает, что на самом деле этот силуэт должен быть темно-зеленым: на женщине по имени Ласка, молча стоящей сейчас перед мамой и держащей одну руку другой, огромный темно-зеленый траурный плащ, окутывающий ее с головы до ног. Даже ее лицо Агате не удастся разглядеть – так низко надвинут капюшон; зато Агата видит черные капли, падающие с руки на пол, и понимает, что все дело в плохом свете: на самом деле эти капли – красные.

– Давайте руку, – говорит мама каким-то незнакомым голосом, и женщина по имени Ласка протягивает ей руку с глубокой царапиной.

– Удивительно, что мальчишки не кидают камнями в вас, Азурра, – с усмешкой говорит Ласка, и Агате становится очень не по себе. – А ведь вы лица не прячете.

– Боятся, – равнодушно говорит мама.

– Страшной королевы дезертиров Азурры? – спрашивает Ласка, словно специально старается раздражить маму.

– Не называйте меня больше Азуррой, – раздраженно говорит мама, – хватит. Привыкните, что я Арина. И нет, – добавляет она, помолчав, – они боятся не меня. Они боятся ундов.

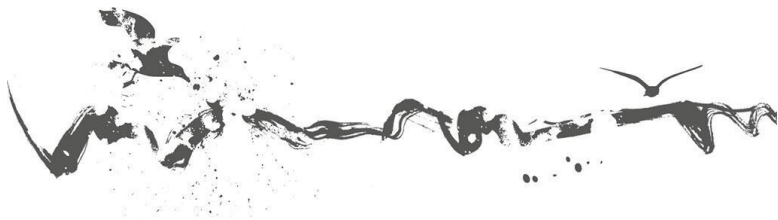
Больше они ничего не говорят, мама и Ласка, мама бинтует Ласкину руку, а Агата вдруг представляет себе, что кто-нибудь из ее команды – например, Джойсон или Харманн (а Торсон? – о, раньше она непременно подумала бы про Торсона, но сейчас... сейчас Агате трудно представить себе, что Торсон способен на шалость, и от этой мысли настроение ее портится окончательно) – подстерегает ненавистную «королеву дезертиров» Азурру у порога их дома и швыряет в нее камень, а унды об этом узнают. Внезапно в памяти всплывает страшный запах, и он кажется тем страшнее, что когда-то, до войны, этот запах даже нравился Агате: так – одновременно сладко, солоно и гнилостно – пах рыбный соус, который можно было попробовать только в самом дальнем крыле Агатиного этажа, в маленькой закусочной мистресс и мистресс Чой, которую очень любил Агатин папа. Сначала Агата этот запах ненавидела, но потом папа научил ее окунать в соус маленькие комочки риса с завернутым в них моченым имбирем, и от странности, которая происходила во рту, Агата не могла остановиться, все ела и ела, пока папа со смехом

не утащил ее домой. Тогда папа еще смеялся по-настоящему, а не нутжно и лишь в присутствии Агаты, как сейчас. Тогда мама и папа смеялись и разговаривали целыми днями, а не только когда Агата оказывалась рядом. А потом этот запах – вернее, очень похожий запах – неделями стоял на площади са'Марко и над сорока шестью маленькими кругами из прибрежных камней, принесенных жителями Венисаны, – в центре этих кругов лежали сорок шесть разбухших тел, казненных, утопленных тел, и среди них —

тела ка'мистресс Ирены и доктресс Эджени и,

и унды десять дней запрещали забрать их на третий этаж и похоронить. Когда ты победил в войне, можно разрешать и запрещать что угодно, думает Агата. Если бы в войне победила она, она бы запретила и разрешила столько всего, что два списка, разрешенного и запрещенного, которые она в уме составляет по ночам, становится трудно помнить. Агата бы запретила женщине по имени Ласка приходить к ним в дом, это уж точно, потому что после ее визитов у мамы слезы выступают на глазах, и Агата бы тем более запретила Ласке называть маму Азуррой, потому что маме это явно не нравится, и Агата бы навсегда запретила мерзких предателей – габо, хотя они с той самой ночи, когда затопило первый этаж («Аквальта Нэра», назвал ее в одной из своих песен, которые все по секрету передают друг другу, слепой Лорио, и теперь так и принято говорить – «Аквальта Нэра»), габо снова исчезли и больше не появляются, и... И еще Агата приказала

бы всем забыть войну раз и навсегда. Забыть совсем, вообще, как не было. Всем до единого, каждому человеку в Венисане – и забыть по-настоящему, а не притворяться. Всем – и особенно маме с папой.

– Люди думают, что унды покровительствуют вам, Азурра, – говорит Ласка, прищурившись, и мама морщится. – Вопрос – правда ли это.

– Люди думают, что унды покровительствуют всем бывшим дезертирам, – отвечает мама очень спокойно, но Агата неожиданно понимает, что это спокойствие – ровно такое же, как когда Торсон случайно разбил стеклянного олененка ее бабушки Алины: цена этому спокойствию – грош. – Если так, унды – идиоты: не знаю, как другие дезертиры, но я воевала не за ундов – я воевала против войны.

– Говорили бы вы потише, Арина, – Ласка понижает голос и смотрит в пол, а потом вскидывает глаза.

– Я в своем доме. – Мама смотрит на Ласку в упор и улыбается: – Всем, кому не нравится, что я говорю в своем доме,

следует его покинуть.

Агата с тоской прислоняет лоб к двери, и дверь тихонько скрипит. Испуганная Агата отпрыгивает вглубь детской, но ни мама, ни Ласка, занятые разговором, не поворачивают головы. Они молчат и смотрят друг на друга.

– Мне действительно пора, – говорит Ласка и резко разворачивается к двери, но тут мама хватается ее за руку и говорит тепло, так тепло, как даже с Агатой она не говорила уже давным-давно.

– Ласка, – спрашивает мама, – почему вы пришли? Вы давно перестали приходить, я не видела вас месяц – почему вы пришли сегодня?

– Попрощаться, – говорит Ласка. – Полагаю, мы больше не увидимся. Я зашла попрощаться.

В дверную щель Агате по-прежнему видны мамины пальцы – они все еще держат Ласку за руку, но держат не просто так, а как-то очень крепко, словно что-то нащупывают сквозь плотную ткань траурного плаща. Агата чуть расширяет щелочку – Ласке явно неприятно, она пытается незаметно высвободить руку, потом дергает чуть сильнее, потом с силой вырывается – и на пол, вспыхивая в свете лампы, падает крошечная золотая бусина на золотой нитке.

– Нет, – стонет мама. – Нет, Ласка, нет. Скажите мне, что вы не уходите к ним. Только не к ним. Вы хорошая женщина, Ласка. Что же вы делаете?

– А что мне осталось делать? – сухо спрашивает Ласка. –

Что мне делать со своей жизнью?

Ласка молчит. Агата совершенно не понимает, о чем идет речь, ей сейчас просто страшно хочется не забыть, куда пока- тилась золотая бусинка, – Агата бы ее надела прямо на этой золотой нитке кое-кому на ухо. А Ласка говорит так же мяг- ко, как мама:

– Мой сын утонул в Аквальта Нэра, Арина. Моя дочь уто- нула в Аквальта Нэра. Мой муж утонул в Аквальта Нэра. Я буду есть, танцевать и пить черный мед до полной потери памяти и надеюсь умереть быстро.

– *Они чудовища, Ласка, – говорит мама. – Ради всех святых, только не это.*

Не становитесь одной из них. Вы очень богатая женщина, а теперь, после войны, стольким нужна помощь. Вы еще можете вернуть свое богатство в прежний вид, превратить его обратно в деньги...

Этой фразы Агата не понимает совсем, и разговор становится ей неинтересен. Агата уже собирается залезть на подоконник и посмотреть, не едет ли мимо тележка с желато, но Ласка очень тихо произносит:

– Может быть, унды и идиоты, да ведь и мы с вами, кажется, не намного умнее: они помиловали всех дезертиров, верно? А вернулись из Венисальта только вы да я. Это почему, а?

– Потому что любовь к своему ребенку важнее Общего Дела, – так же тихо отвечает мама.

– Любовь умирает, – говорит Ласка глухим, чужим голосом.

– Моя дочь жива, Ласка, – очень мягко, очень терпеливо говорит мама.

– А ваш муж, Азурра? – ядовито интересуется Ласка. – А ваша любовь к мужу? Вы не забыли, что он тоже жив?... – И быстро выходит за дверь.

Сердце Агаты едва не разрывается от боли. Она прижимается спиной к стене и медленно сползает на ковер. «Не плачь, – говорит она себе, – не плачь, не плачь, не смей плакать. Это просто боль, она сейчас пройдет. Так бывает, когда

кто-нибудьговорит вслух то, в чем ты боялся себе признать-ся». На секунду перед Агатой встают Худые ворота, и снег набивается ей под отвороты перьевой шапки, и растерянные глаза капо альто смотрят на маму пугающим Агату взглядом, а потом мамин коротко остриженный затылок заслоняет все, все, и их поцелуй... Разве можно целовать одного человека, если все еще любишь другого? Невозможно, невозможно, конечно. А что она, Агата? «Любовь к своему ребенку важнее Общего Дела» – но мама-Арина любила Агату, так любила Агату, мама-Азурра была непонятной и новой, но и она, наверное... А теперь – кто вернулся из Венисальта? Эта мысль такая страшная и сложная, что Агата вдруг не выдерживает, и слезы разъедают ей глаза, катятся по щекам, попадают в рот. И тут очень спокойный мамин голос произносит за дверью:

– Хватит шебуршать. Поди погуляй, Агата.

**Сцена 2,
посвященная памяти
святопреставившейся
новомученицы и героини, доктресс
Эджении. Ее собственное имя
было «Эя», она приняла судьбу
своей святой, была Разумом своей
команды, хорошей доктресс и
мужественным человеком. Мы
помним, как она раскладывала
свои скальпели по новой, ею
самой изобретенной системе**

Лора! Агата предпочла бы исчезнуть, лишь бы не столкнуться в этом проулке с Лорой – Агата вообще надеялась

не увидеть никого из своей команды до самого конца Собачьих Дней, до того часа, когда придется волей-неволей вернуться в колледжию, и вот теперь Агата стоит в узеньком проулке, одном из всего трех, по которым ей дозволено гулять, нос к носу с Лорой, которая смотрит так, словно перед ней призрак Злоумученного Аурелия-Младенца с тремя глазами и одной ногой. Вдруг при виде испуганного Лориного личика под темными мохнатыми бровями Агате кажется, что не было никакой дурацкой войны и что просто они с Лорой валяются вечером вот такого Собачьего Дня у Лоры дома и слушают ужасные рассказы Мелиссы про Безвестных Великомучеников – и про Аурелия-Младенца, и про Обескровленную Тиссу, и про зубы Береники, и Агата про все ворчит, что это враки, а Лора в начале каждой истории шепотом умоляет: «Ой, Мелисса, не надо!..» – а в конце шепчет: «Еще! Еще одну!..» Это воспоминание кажется таким реальным, а перепуганная Лора – такой родной, что Агате вдруг нестерпимо хочется броситься Лоре на шею и рассказать все, все – про маму и капо альто, про папину улыбку, похожую на улыбки статуй в Соборе Чулочников на узкой площади са'Марчъялло, про ужасного кота слепого Лорио и про запах рыбного соуса, и про... В следующую секунду Лора вжимается в холодную стену дома по левой стороне проулка и медленно-медленно протискивается мимо Агаты, не задев ее даже краешком куртки. Мимо «девочки, начавшей войну». «Габетиссы». «Азурритты, дочки самой главной преда-

тельницы». У Агаты в горле встает огромный костистый ком. Какую-то секунду Агата чувствует, что можно обернуться, можно крикнуть: «Лора, Лора, это же я!..» – и вдруг ей кажется, что от Лориной куртки немножко пахнет сырой рыбой. Рыбой! Семья Лоры не богата, вовсе нет, а вся рыба теперь принадлежит ундам, и позволить себе рыбу могут только богачи. Агата зажмуривается. Нет, нет, этого не может быть. Только не Лора. Кто угодно – но только не дети из ее команды, и уж Лора точно не... При мысли, что Лора могла участвовать во вчерашней выходке, Агата чувствует, что вот-вот заплачет. Папа вчера обнял ее и сказал: «Это ничего не говорит о нас, но очень многое говорит о тех, кто это сделал. Я все уберу, а ты просто забудь». Но как забудешь, что на порог твоего дома подкинули кучу рыбьих голов, а на двери синей краской написали «ундерри» – «ундерри», «пособники ундов»? Папа полночи отмывал от запаха крыльцо, а от краски – дверь, мама вообще не вышла из спальни, даже не пришла подоткнуть Агате одеяло (а когда она последний раз приходила подоткнуть Агате одеяло? То-то же), а Агата слышала из окна, как, проходя мимо, старая Мисса, вечно болтающая что попало, долго кашляла, наблюдая за папой, а потом прокаркала:

– Хоть бы тебя пожалели, Сергей. Ради своей девочки живешь с этой ужасной женщиной! Герой, одно слово – герой!

– Уходите, Мисса, – тихо сказал папа, и старая Мисса застучала своей клюкой прочь по дороге, а Агату затошнило, и

она поклялась себе, что на кактусы старой Миссы, украшающие ее крылечко, вот-вот нападет загадочная болезнь, от которой выпадают все иголки.

Но запах рыбы, несмотря на все папины старания, витал над порогом и сегодня, а теперь, честное слово, сырой рыбой пахло и от Лоры. «Иди вперед, – говорит себе Агата. – Просто иди вперед, переставляй ноги».

Шаг; еще шаг; Агата выходит из узкого проулка, поворачивает налево, не видя, куда ноги ее несут, сворачивает направо и продолжает идти. Внезапно перед нею мелькает зеленый траурный плащ, и Агата, никогда не верившая в Мелиссины рассказы, от неожиданности чуть не постукивает себя ногтем по зубам – знак святой Береники, защитницы скорбящих и всех, кто случайно встретит их на пути. Но фигура в плаще кажется Агате такой знакомой, что она забывает и о святой Беренике, и об опасности провести семь лет без лучшего друга, – это Ласка, и она очень спешит.

«Есть, пить черный мед и танцевать до полной потери памяти», – вспоминает Агата, и вдруг понимает, что умирает от зависти. Господи, дорого бы она дала за то, чтобы просто есть, пить и танцевать до упаду (а уж танцевать Агата умеет, ее учил папа, до войны папа с мамой танцевали на кухне так, что только ух!), а потом еще и потерять память обо всем, обо всем, обо всем! Ну почему, почему, почему Ласке можно, а ей нельзя?!

«А что до каких-то там „чудовищ” – я сама чудовище», —

вдруг думает Агата со злостью. – Габетисса. Азурритта. Та самая девочка, которой даже мама не подтыкает одеяло». Зеленый траурный плащ удаляется. Агата бросается бегом.

Счастье, что у плаща Ласки такой длинный подол, – Агата успевает замечать, куда Ласка поворачивает в лабиринте узких улиц и переулков, и при этом держится достаточно далеко, чтобы ее не выдавал стук ботинок. «Молчи, молчи, молчи», – шепчет она своему страху, который все разрастается; ни одна вылазка с Торсоном не водила ее этими путями, ни один мост она не узнаёт, и даже их со слепым Лорио «огромный секрет» ей сейчас ничем не помогает. «Молчи, молчи, молчи», – говорит Агата своему страху, но это помогает все

хуже: внезапно Агата понимает, что ведать не ведает, как отсюда вернуться домой! И тогда Агата начинает петь про себя одну из песен Лорио, «Песню об утопшей луне»:

*Страх мой подобен утопшей луне:
Вот он неверно мерцает на дне,
Вот он зовет меня стать глубиной,
Рыбам на радость стать черной волной,
Вместо того, чтоб сиять с вышиньы,
Стать лишь водой для утопшей луны;
Нет уж, мой страх: я гляжу в вышиньу;
Воду твою, Венисвайт, прокляну:
Нынче я – солнце, и больше во мне
Нечего делать утопшей луне.*

«Нынче я – солнце, нынче я – солнце, нынче я – солнце», – повторяет Агата, и страх чуть-чуть отступает, да и улицы вдруг почему-то немножко знакомые, но от бега и от этих слов Агате так жарко, что на миг она останавливается, прикрыв глаза. Ей надо отдышаться, ей надо утереть пот со лба, ей надо хоть секундочку подержаться за разболевшийся бок... и она теряет зеленый плащ из виду. В ужасе Агата мечется из переулка в переулок, перебегает один мост, другой, ее пробивает испарина, черный уличный кот бросается ей под ноги, она отскакивает – и вдруг оказывается прямо у подножия белого постамента, на котором стоит маленькая, черная от времени статуя. Вообще-то Агате сейчас не до ста-

туй, но две фигурки на этом постаменте так изящны, что на них нельзя не засмотреться. Это акробаты: мужчина, стоя на одной ноге, держит женщину под коленки, женщина изогнулась мостиком, у обоих на спинах крошечные крылья. Агата не помнит имен этих святых, но отлично помнит это место! Свернуть два раза направо – и будет площадь пья'Скалатто, и если бы Агату не укрывал постамент статуи, Ласка наверняка бы ее заметила: она проходит в нескольких шагах от Агаты, и та, стараясь бесшумно пристроиться за Лаской хвостиком, вдруг обращает внимание на две удивительные вещи. Во-первых, край плаща у Ласки слегка завернулся, и теперь видно, что плащ очень теплый – он плотно-плотно подбит перьями габо. «Как она не умирает от жары?» – успевает подумать Агата, но на самом деле ей не до того: из-под плаща теперь виден край Ласкиного платья, и ничего прекраснее Агате в жизни видеть не доводилось. Тонкая полоска ткани ослепительно сияет серебряной вышивкой, и какими-то красными и синими искрами, и жемчугом, право на лов которого теперь, после войны, принадлежит папе Берта, и теми самыми крошечными золотыми бусинами на золотых ниточках, одну из которых Агата успела подхватить с пола в кухне и сунуть в карман. Блеск и роскошь так захватывают Агату, что она не понимает, куда идет, пока вдруг не спотыкается о ступеньку и едва не падает. Лестница на второй этаж! Агата вдруг с ужасом вспоминает все – и толпу испуганных людей на площади, и старуху, которая совала тухлую

рыбу в лицо охраняющему лестницу солдату, а потом оказалась вовсе не «старухой», и запыхавшуюся сестру Юлалию, которая пыталась удержать своих воспитанников в парах, а главное, вспомнила снег и леденящий холод второго этажа – и содрогнулась. Так вот почему на Ласке перьевой плащ. На ней, Агате, только рубашка и брюки – но, может быть, прекрасная вечеринка с чудовищами совсем близко? Может быть, до нее всего несколько шагов? Может, если Агата будет очень-очень быстро прыгать, пока Ласка идет, она сумеет выдержать мороз?..

В эту секунду колени у Агаты словно подгибаются совершенно сами собой, а сердце прыгает в горло. Кто-то сделал ей подсечку, слышится детский хохот, две пары ног стремительно удирают прочь по мостовой, два горла вовсю орут: «Ундеррита! Ундеррита!..» От боли в копчике у рухнувшей на мостовую Агаты темнеет в глазах, она не в силах даже взглянуть вслед своим обидчикам, и только когда сильные большие руки помогают ей подняться, она стонет и вскрикивает:

– Гады! Вот гады!.. – и резко оборачивается. Перед ней стоит Торсон.

**Сцена 3,
посвященная памяти
святопреставившейся
новомученицы и героини,
портнихи Клодии. Ее собственное
имя было «Ив», она приняла
судьбу своей святой, была
Руками своей команды, хорошей
портнихой и скромным человеком.
Мы помним, как крепко она
прошивала двойные швы**

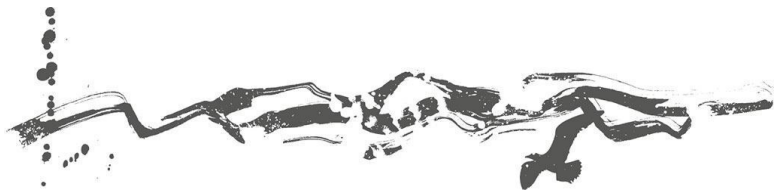

Тут с Агатой что-то происходит. Если бы ее спросили, плачет ли она, она бы возмущенно сказала: «Вот еще!» Но

по ее лицу льются и льются слезы, попадают в рот и капаяют с подбородка, у Агаты уже полный нос слез и соплей, и когда она наконец говорит: «Торсон!..», получается что-то вроде «Додсон». Она не видела Торсона все Собачьи Дни – ему запрещено ходить в гости, да и разговаривать с кем бы то ни было, даже из своей команды, не полагается до самого возвращения в колледжию, где за ними, и майстерами, и мистресс, и даже за новой ка'мистресс Лаиссой теперь – это уже все знают – будут присматривать унды (мысль, которая так пугает, что Агата поскорее гонит ее прочь): с точки зрения ундов Торсон был настоящий солдат, потому что он, как и все профетто, помогал милитатти выслеживать их передвижения под водой, и теперь с ним поступают так, как со всеми профетто. Два раза в неделю Торсон должен являться к ундам и дышать из огромного металлического шара парами морского растения эльконопа: если на коже проступят радужные пятна – значит, он надолго погружал лицо в воду; бедные профетто теперь даже умыться как следует не могут, чтобы их не обвинили в преступной подводной слежке за ундами, и Агата слышала из взрослых разговоров, что Мелисса, которая еле дождалась своего Торсона с войны, от страха за него вообще запрещает ему мыть лицо – только вытирать влажным краем полотенца. Мелисса – вот в ком все дело: Мелисса не отпускает Торсона от себя ни на шаг, Мелисса ненавидит ундов – и ундерриту. Торсон теперь даже живет в доме у Мелиссы и ее дяди с тетей, потому что сердце его

бабушки разорвалось, когда габо выдернули из земли статую ее святой. Нет, нет, Агате нельзя думать про тот день, Агате просто нельзя думать про габо, это так больно, что Агата прижимает руки к груди и тихонько стонет, а Торсон все стоит и стоит перед нею как истукан, и тогда – Агата сама не понимает, как это происходит, —

она вдруг обнимает его изо всех сил, такого родного, большого, теплого Торсона, и начинает говорить, говорить, говорить.

Она говорит о маме и папе. О том, что она уверена: когда начнутся занятия и она, Агата, переселится в колледжию, папа уйдет жить в Дом святого Жулиуса, где селятся только одинокие люди, у которых нет семьи, и где стала жить мама Наисы, когда ее папа вернулся с войны влюбленным в Шанну, Страсть своей команды. О том, что она не знает, как заставить родителей снова полюбить друг друга, но у нее есть варианты, и ей очень, очень, очень надо с Торсоном посоветоваться, и они могут встретиться ночью в замке – он-то знает, что она имеет в виду, — и, вот правда-правда, никто

их там не заметит. О том, что один план – наестся толченого кровавого камня (и она даже знает, где его взять, – отколупать от задней лапы страшного зубастого муриоша в соборе са'Джорджио, только туда очень страшно пробираться одной, но вдвоем они справятся!) и почти смертельно заболеть кровяной – тогда мама и папа забудут обо всем на свете, а когда она выздоровеет, все снова станет как раньше, вот только можно не выздороветь. Она читала про такое в одной книге из лавки слепого Лорио, и про бедного Лорио и его уплывшие книги, которые Агата теперь разыскивает тайком по всему городу, ужасно боясь заблудиться, но зато получая право их читать – даже если они совсем взрослые! – ей тоже надо все-все рассказать Торсону, и еще про жуткого мертвого кота Лорио, Марсона, – обязательно! И о том, что второй Агатин план – сбежать в синий лес Венисфайн, где ее никто теперь не станет искать, потому что после войны унды забрали Венисфайн себе, но Агата с Торсоном смогут прятаться от ундов, потому что ночью один будет сторожить, пока другой спит, и что самое страшное, конечно, не унды (вот еще!), а некоторые из Тех Сорока Шести – унды же нарочно утопили их, а не убили, чтобы они страдали от тоски по своим семьям, вот они и ходят по лесу, ищут, кто бы отвел их в город, – но вдвоем они сделают себе копыя с габионовыми наконечниками – хотя, конечно... Нет, об этом думать не надо, а надо думать о том, что когда родители Агаты окончательно поймут, что их дочь пропала, они бросятся друг другу в

объятия, а тут и Агата появится, и они ей рано или поздно все простят, и все трое будут счастливы. А третий ее план...

Медленно-медленно Торсон убирает руки Агаты со своей шеи и пятится. Лицо у него пунцовое, и смотрит он не на Агату, а на булыжную мостовую у себя под ногами. Агате кажется, что он сейчас тоже заплачет.

— Прости, Агата, —

говорит Торсон каким-то не своим голосом. — Мне надо... Мелисса... Я должен... Извини, Агата.

Агата понимает странное: она больше не плачет. Ей так плохо, что слез не хватает, и главное, о чем она сейчас думает, — это что у нее совсем, вообще нет сил прийти домой. Можно было бы сбежать в синий лес Венисфайн сейчас, прямо сейчас, и даже, может быть, унды приютили бы «маленькую ундерриту» — «Да только пути назад бы уже не было, детка, и Торсона ты больше не увидела бы никогда!» — говорит какой-то очень взрослый голос внутри Агаты. «И маму с папой!» — спохватывается Агата. «И маму с папой», —

соглашается голос насмешливо. Агата трясет головою. Нет, нет, только не домой. Во всей Венисане есть одно-единственное место, где Агате не то чтобы все еще рады, но куда Агата заслужила право приходить. Только приходить туда надо не с пустыми руками, но Агата краем глаза заметила кое-что, пока металась как угорелая по переулкам: высоко-высоко в кружевной чугунной ограде одного особняка около церкви, совсем недалеко, застряли несколько бумажных листов – там, куда дошла вода в ужасный день Аквальта Нэра. Бегом, бегом – к счастью, в проулке около церкви никого нет; Агата карабкается по ограде, как обезьянка, и здесь ее ожидает настоящий подарок: не просто несколько разрозненных листов, а целый кусок старой-старой книжки с задней обложкой. Слепой Лорио, конечно, скуп на похвалы, но Агата отлично знает, что от такой находки он будет счастлив. Агата быстренько слезает, зажав кусок книжки в зубах, оглядывается по сторонам: никто ее не видел – ну и ладненько. От книжки во рту остается странный вкус кожи, и пыли, и очень хрупкой бумаги, и немножко металла, от чернил; только сейчас Агата замечает, как пожелтели страницы и какая это старая книга, а еще – что по крайней мере несколько листов – это картинки, прекрасные большие картинки, и от нетерпения у нее начинают зудеть ладони. Кто угодно может пройти мимо; смотреть книгу прямо здесь Агате нельзя – в Венискайле не любят, когда дети гуляют без присмотра далеко от дома (а если тебя не узнают в лицо – ты точно далеко от

дома!), «опасней Венискайла только Венисвайт», но Агата уже знает, в какую сторону бежать: если оставить лестницу на второй этаж и дом Мелиссы за спиной, сначала надо добраться до пъя'Марко, а оттуда до лавки слепого Лорио рукой подать.

Агата заставляет себя идти медленно, чтобы не привлекать внимания. Ноги сами несут ее, и это очень хорошо, потому что одна из мельком увиденных картинок в золотой, украшенной цветами рамке с пожелтевших хрупких страниц стоит у Агаты перед глазами: коричневые горы поднимаются из середины страницы, а слева от этих гор – белый город. Большие белые дома, такие надежные, такие спокойные, а смотреть почему-то не хочется, и над городом этим висит луна, и небо темное: ночь, и написано что-то непонятными квадратными буквами. А справа от гор – город цветной, все домики маленькие, шаткие, лезут друг на друга, того и гляди развалятся, а смотреть на них хорошо и весело, и над этим смешным городом стоит солнце и небо синее: день, и тоже квадратные буквы, непонятные. А в горах пещеры, и из пещер смотрят на Агату маленькие круглые глаза. Скорей, скорей, скорей – если бы не слепой Лорио и не их уговор, не знала бы Агата ни про «Житие святого Макария» и его зеленые от горя слезы, ни про прекрасный «Фелициум», куда мама с папой до войны так хотели съездить отдохнуть (а ведь существовали «весельчаки» – богачи, которые жили там круглый год!), ни про роскошные гигантские красные баре-

льефы на красных внешних стенах Венискайла: огромный муриош с витыми рогами, верхом на двухголовом габо, который несет в клюве поющего человека, нравится Агате больше всего. Огромную книгу с этими барельефами Агата любит до невозможности, да вот только непонятно, что в ней правда: из Венисальта – то есть с внешних стен Венискайла – никто еще не возвращался, кроме мамы и Ласки, а книга-то старая... При этой мысли настроение у Агаты ужасно портится. «Все может быть враньем, чистым враньем, – шепчет ей противный внутренний голос. – Книгам верить – своего ума не иметь. Все может быть враньем, враньем, враньем...»

– А ну заткнись! – выпаливает Агата, и прямо у нее над ухом испуганный старческий голос вскрикивает:

– А? Что?!..

Агата подпрыгивает от изумления – и понимает, что стоит на пороге лавки слепого Лорио, а сам Лорио, очень перепуганный, держится за сердце.

– Простите! – говорит Агата поспешно. – Я... Я задумалась. Я вот! – и кладет обрывок книги слепому Лорио в ладони.

– А, – говорит слепой Лорио без особого восторга, – это ты, Агата. Сядь.

Агата медленно обходит гондолу – настоящую огромную гондолу, заваленную книгами и стоящую у слепого Лорио прямо в лавке, – но прежде чем тихонько сесть на свое любимое место (на полу, у самых дальних книжных полок), она

подходит к стоящему в гондоле чучелу Марсона. На табличке на постаменте чучела неверным почерком написано: «Это чучело кота Марсона, погибшего в Аквальта Нэра. Его собственное имя было „Су”, он принял судьбу своего святого, был хорошим котом и верным другом. Мы помним, как он играл закладкой с пером голубого габо». Агата достает из кармана золотую бусинку на золотой нитке и вешает коту на ухо.

Лорио медленно водит пальцами по принесенным Агатой, поврежденным водою, но чудом выжившим страницам.

– Бедняжка, – говорит он книге, точно тяжело больному человеку, – ах, моя бедняжка... – и, протягивая книгу Агате, произносит, кривя губы: – К картинкам не прикасаться, пальцем по строчкам не водить, брать только за края, все остальное сама знаешь.

Агата могла бы обидеться – не маленькая, пальцем по строчкам водить, вот еще! – но на слепого Лорио обижаться бесполезно. Да и два города – мрачный белый и веселый цветной – так манят, что ей сейчас не до обид. Агата осторожно берет у Лорио то, что осталось от книги, и принимается за чтение.

И чем дальше она читает эти изорванные листы, тем сильнее у нее колотится сердце.

Сцена 4
посвященная памяти
святопреставившегося
новомученика и героя, пекаря
Саломона. Его собственное
имя было «Од», он принял
судьбу своего святого, был
Скромностью своей команды,
хорошим пекарем и тревожным
человеком. Мы помним,
как он помогал своей жене
ухаживать за сиреневыми кустами

«...иэтот пятый этаж еще называют „последним”, хотя нам отлично известно, что есть множество этажей над ним; называют же его так потому, что никто и никогда не поднимался с пятого этажа на шестой, ибо высота пятого этажа – двенадцать сосен, и ни мудрецы Мацуима, ни отщепенцы Азувима (если может путешественник верить их слову) так и не сумели найти ни лестницы, ни шеста, ни еще какого приспособления, способного поднять человека от пола пятого этажа до его неба и проделать путь, каким дано проследовать только Чадам Святого Макария».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.